

ИЕРАРХИИ ВЛАСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Скиперских
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Аннотация: В настоящей статье автор показывает, как устроены иерархии власти в современной России, и какими мотивами связывается политическое соподчинение. С точки зрения автора, иерархии власти представляют собой не только иерархии конкретных должностей и позиций, представляющих власть, но и возделанных благ и материальной культуры, доступ к которым открывается по мере продвижения вверх. Автор иллюстрирует эту взаимосвязь, обращаясь к опыту, накопленному русской и советской культурой, а также собственным наблюдениям за региональными и муниципальными политическими процессами.

По мнению автора, рост количества институтов в современной России, реагирующих на усложнение общественной жизни, приводит к увеличению количества бюрократии и иерархий власти.

Ключевые слова: власть, иерархии власти, политическое пространство, Россия, элиты.

Мы не пашем, не сеем, не строим.
Эльдар Рязанов

1. Неравномерность политического пространства в России

Политическое пространство не выглядит однородным. Власть, хотя и присутствует в пространстве политического, распределяет своё влияние в нём с разной степенью интенсивности. Есть большое количество, как прямых, так и косвенных свидетельств подобной неравномерности в актуализации власти.

Власть убедительно манифестирует себя в центре, постепенно снижая своё давление на периферии. Но и на периферии актуализация власти может быть достаточно броской. Равно, как и в центре, на периферии присутствуют свои центры политического средоточья – свои иерархии власти. Их численность и наполняемость могут быть разными в зависимости от того или иного пространства. В современной России бюрократический аппарат выглядит где-то довольно консолидированным, а где-то чересчур размазанным.

Для того, чтобы в этом убедиться, исследователю в социальных науках не нужна какая-то особенная оптика. Достаточно посмотреть на то, как в обычном российском регионе могут встречать федерального чиновника из Москвы. Влиятельный гость сразу же будет отличаться от местных чиновников наличием охраны, ведь у представителей власти гипертрофирована «боязнь непонятого прикосновения», о чём когда-то рассуждал австрийский политический философ Э. Канетти [Канетти 1990: 391]. Региональный политический класс не может себе позволить охрану. В тот самый момент редукцию власти ощутит на себе и значительная часть региональной общественности – от автолюбителей, вынужденных томиться в пробках из-за перекрытых дорог – до аудитории регионального телевидения, которой обязательно покажут проезд статусных гостей. Что-то подобное можно увидеть и в приездах губернатора в муниципальные районы. Политическое пространство само по себе как будто бы намекает на существование диспропорций, по-разному отмечаемых политической машиной.

Вообразив себе политический центр России, возникает ощущение, что он буквально перегружен инстанциями власти – многочисленными министерствами и ведомствами, офисами крупных корпораций и банков, посольствами и представительствами субъектов РФ. Как в своё время справедливо отметил Ж. Бодрийяр, город представляет собой «пространство нарастающей сегрегации» [Бодрийяр 2009: 156]. Каждая институция охраняется, доступ в неё ограничен. Автомобильные парковки отсутствуют, многочисленные шлагбаумы и камеры наблюдения отсекают случайных прохожих. Энергия власти, излучаемая Кремлём, постепенно прогревает ближний радиус – Бульварное кольцо, Садовое кольцо, третье транспортное кольцо, МКАД и т. д. Есть определённый престиж во владении квартирой, офисом и другими локациями в зависимости от близости к центру – прямо и косвенно это подтверждается фактической стоимостью этих благ.

Москва вырывается за окраины, постепенно срачиваясь с Московской областью. Вместе с тем, статус инстанций власти всё равно, так или иначе, измеряется их фактической удалённостью от Кремля.

2. Власть иерархии и иерархии власти

Власть представляет собой целое поле инстанций власти, внутри которых присутствуют многочисленные иерархии. Как отмечал Р. Будагов, *иерархия* по своей этимологии изначально присутствует в поле репрезентаций священного порядка, а со временем концепт «иерархия» вступил «в сферу земного осмысления», означая ситуацию неравенства [Будагов 2002: 129].

Иерархия чинов и званий конструируется в 1722 г. Петром I в «Табели о рангах», выступая одним из оснований регулярного государства. Как считает Ю. Лотман, идеалом Петра I как раз и выступало «регулярное – правильное – государство, где вся жизнь регламентирована, подчинена правилам, выстроена с соблюдением геометрических пропорций, сведена к точным, однолинейным отношениям» [Лотман 2017: 31]. Государственная служба – воинская, статская и придворная приобретали чёткую зависимость «общественного положения человека от его места в служебной иерархии» [Лотман 2017: 32]. Существующая асимметрия в общественных отношениях оказалась легитимирована новыми «правилами игры». В свою очередь, на нижних этажах власти происходит умножение должностей и функционала. Таким образом «формируется строго обособленная бюрократия со множеством инстанций» [Михельс 1990: 58–59].

Так перед нами открывается целое здание власти, её вертикально устремлённый замок. Сразу же добиться власти не представляется возможным. Таинство власти не может открыться сразу – «чем больше могущество должности, тем строже служба» [Гессе 1991: 317]. Лестницы власти состоят из множества ступенек, и поднимающиеся по ним, равно, как и спускающиеся чиновники могут тщательно исследовать её, ведь каждая ступенька означает

пространство власти, в котором есть свои «переходы, ступеньки, выбоины, перила, скрипы, опасные места» [Скиперских 2022: 121].

Отношения внутри рангов хорошо иллюстрируются отношениями в воинской иерархии званий. Именно в этот момент убедительно раскрывается всё таинство иерархической скрепы, фиксирующей диспозиции начальников и подчинённых.

Иерархический характер организации политической элиты подтверждается, в частности, некоторыми исследователями, свидетельствовавшими о неоднородности российского правящего класса. Так, О. Крыштановская выделяет внутри российской элиты особую когорту, в которую входят представители Совета Безопасности РФ, Правительство РФ, члены Федерального собрания РФ, видные представители региональной и бизнес-элиты [Крыштановская 2005: 21].

Понимая собственную значимость, вышестоящее начальство всегда общается с нижестоящими достаточно грубо, подобострастно, а в какие-то моменты даже и снисходительно. Начальник всегда понимает, что за ним стоит несокрушимое здание власти, мощная политическая организация, предоставляющая ему право говорить от имени власти. Организации и ведомства – сплошные иерархии. Каждая позиция предполагает свои инструкции, ресурсы, «правила игры», содержа свой потенциал и располагая своего обладателя к воспроизводству определённых моделей политического поведения.

Причудливая анатомия властной вертикали буквально пронизывает произведения русской культуры. В чеховском рассказе «Толстый и тонкий» тональность разговора двух старых знакомых сразу же меняется после того, как выяснилось, что один из них имеет более высокий статус, нежели другой. Коммуникация в рамках политической вертикали базируется на страхе. Именно поэтому умирает Червяков в другом чеховском рассказе «Смерть чиновника», случайно чихнувший в театре на генерала.

Восходящая социальная мобильность может решить перманентные вопросы, связанные с расширением доступа к благам, но она не в силах вывести из человека психологию подчинённого. Прекрасный пример подобной скованности необходимостью подчинения мы увидим в перестроечном фильме В. Абдрашитова «Слуга» (1988). Бывший водитель, испытавший на себе всю прелесть социального лифта при покровительстве влиятельного начальника, так и не смог избавиться от страшной зависимости от своего господина.

В современной российской политической практике нередки примеры, когда вышестоящее начальство может упиваться собственной значимостью, понимая, какая невероятная дистанция разделяет её и обыкновенных людей. Опасность такой тенденции увидел и Кремль. Отставки нескольких глав регионов, которые позволяли себе публично демонстрировать свой высокий статус некорректными жестами (Маргелов – Марий Эл, Игнатъев – Чувашия), были связаны именно с этой причиной. «Торжественный характер власти и её харизматическое благоухание», свойственные власти, в данном случае были использованы совершенно не по делу [Блок 1998: 82].

В нынешней системе управления подчинённые должны быть похожи друг на друга. Вспомним портрет Чичикова из «Мёртвых душ» Н. Гоголя: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» [Гоголь 1975: 5]. Современному российскому чиновничеству присваивается такая же неуловимость черт. В складывающейся ситуации, когда любое раздражение может «подпалить» взрывоопасную обстановку, выделение себя из массы чиновничьего класса, чрезмерный эпатаж и сомнительное творчество на местах выглядит как неуместное, и осуждается «сверху».

Власть – это совокупность иерархий. Иерархии сформированы по формальному принципу, равно, как и по неформальному. Сегодня – политическое пространство в России на всех уровнях власти является очень зависимым от многочисленных клиентов, семейственности, земляческих принципов. Наряду с этим «перчинки» в отношения внутри иерархий могут

придавать другие влиятельные акторы. Например, в СССР, таковым актором могла быть *номенклатура*, «осуществляющая власть во всех сферах общественной жизни», и «являющаяся господствующим классом советского общества» [Восленский 2005: 30–31]. Сегодня любое важное назначение потенциального претендента на ту или иную должность в бюджетной сфере обязательно предполагает проведение консультаций с региональной администрацией, и с правящей партией. Видимо, неслучайно, что 39% опрошенных россиян в ноябре 2011 г. согласились с тем, что «Единая Россия» – это КПСС сегодняшнего дня» [Коммерсант-Власть 2011: 10]. Можно только догадываться, какая динамика могла произойти в оценке текущей реальности к 2023 году.

В политическом пространстве власти существующие иерархии могут конфликтовать между собой, проникать друг в друга, равно, как и дистанцироваться друг от друга. Так, нуждавшийся в легитимации в начале 1990-х гг. Б. Ельцин создавал для себя эффектную картинку, когда посещал обычную поликлинику и ездил на метро, перед этим «презрительно проходя мимо шеренги чиновничьих чёрных «Волг» [Сегела 1999: 42].

3. *Мода власти*

Сила давления иерархий власти оказывается настолько высокой, что оказывает огромное влияние на поведение тех, из кого иерархия состоит. Копирование привычек, фигур речи, гардеробных особенностей становится частью жизненного стиля российского чиновничества вне зависимости от той или иной позиции во властной вертикали. Подчинённые воспроизводят то, что делается их руководителями. Причём это распространяется на все иерархии власти, начиная от поликлиник – до университетов, от промышленных предприятий – до торговых сетей.

Как правило, мода спускается «сверху» – «вниз». Глядя на фотографии, где присутствуют руководители со своими подчинёнными, следует отметить частой сходство чиновников между собой. Совместные фотографии политиков и чиновников различных уровней могут стать единицей политического и социологического анализа, ведь, действительно, зачастую их головные уборы, костюмы и обувь покупаются в одних и тех же магазинах, их обслуживают одни и те же парикмахеры и т. д. Кремлёвские вожди и советская номенклатура носили меховые шапки и эта мода спускалась вниз – к секретарям обкомов, горкомов и райкомов КПСС и ВЛКСМ, не говоря уже о самых низах номенклатурной иерархии. Вожделения чиновничьих низов в русской культуре однажды были убедительно сконструированы Н. Гоголем в трагической фигуре Акакия Акакиевича Башмачкина. Мода присутствует и в современной культуре, которая, казалось бы, обладает гораздо большим разнообразием. Вспомним, как на пике популярности ЛДПР, с подачи В. Жириновского в моду вошли чёрные картузы, которые стали называть «жириновками». Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая отмечает чиновничество как политический класс, в целом. Чиновникам не следует выделяться из массы себе подобных, потому как есть сильный риск попасть в немилость к начальству.

За редким исключением мода заимствуется «снизу». В таком случае, правила иерархии власти несколько смещаются. Вспомним, какое влияние в х/ф «Служебный роман» Э. Рязанова с точки зрения модных тенденций оказывала секретарша Верочка на Людмилу Прокофьевну.

Иерархии власти проникают и на другие социальные практики. В частности, теоретик советской номенклатуры М. Восленский приводил убедительные примеры проекции иерархий власти на статус номенклатурных столовых, отличавшихся ассортиментом блюд: от «кремлёвской» столовой – к столовым Высшей партийной школы и Института марксизма-ленинизма. М. Восленский отмечал одни и те же схемы в организации «питания номенклатуры и на периферии» [Восленский 2005: 30–31].

Сегодня можно увидеть, как власть легко создаёт моду на культуру, периодически посещая престижные фестивали (Платоновский фестиваль в Воронеже, Дягилевский фестиваль в Перми и т. д.). Для подчинённых это означает, что моде желательно следовать. То же самое касается и спорта. Нередко губернаторы и мэры могут ассоциироваться с тем или иным видом спорта, регулярно посещая домашние матчи футбольных, хоккейных и баскетбольных команд. Спортивная мода неизбежно поражает и нижестоящую бюрократию, стремящуюся броситься в глаза своему начальству прямо на стадионе или в спортивном зале. В последнее время становятся популярными велопробеги и марафоны, заплывы и триатлоны. Некоторые губернаторы принимают в них непосредственное участие. Нужно отметить, что, тем самым, реализуется одна из установок, диктуемых главам регионов «сверху», а именно, необходимостью роста количества жителей, охваченных физкультурным и спортивным движением. Периодически возникают и курьёзные ситуации, которые демонстрируют никуда не исчезающее стремление российского чиновничества упреждать волю своего начальства. Так, некоторые директора липецких школ изъявили желание развивать в своих учебных заведениях бадминтон, понимая, что именно этим редким видом спорта увлечён липецкий губернатор Игорь Артамонов. Вспомним, как в начале 1990-х толчок для развития большого тенниса в России был дан Б. Ельциным, а в начале 2000-х гг. В. Путиным.

Мода власти проникает и на досуговые практики: от пешего туризма и кулинарии – до охоты с рыбалкой. Тогда вслед за статусными политиками досуговые практики заимствуются многочисленной свитой. В современном российском политическом ландшафте это так же может подтверждаться большим количеством примеров.

Иерархии власти – особая расстановка политических фигур в политическом пространстве. Специфические политические шахматы можно увидеть на любых официальных мероприятиях. Близость к центру конкретной позиции означает близость к непосредственной власти, к её ядру.

4. Символы власти и их иерархичность

Политическое пространство имеет свою структуру и особые регламентации. Как раз именно к таким обязательным правилам политического выражения относится и его особый дизайн. В контексте нашего рассуждения, дизайн пространства должен быть обязательно иерархичным – среда обитания и интерьеры, в которых себя актуализируют представители политической вертикали, должны обязательно соответствовать их статусу.

Именно поэтому пространства власти в зависимости от иерархии политиков могут так сильно отличаться. Власть всегда притягивает на роскошь, являющуюся отличительной чертой её повседневной жизни. Особый политический стиль, знакомый советской номенклатуре, сегодня наследуется и представителями современного политического класса.

В советской практике сложилась норма, что кабинет руководителя всегда отличается своими размерами и интерьерными деталями от других кабинетов организации. Власть имеет право на лишние метры в отличие от тех, кто подчиняется ей. Иерархичность кабинетному пространству конструируется с помощью длинного конференц-стола, во главе которого всегда находится руководитель. Когда-то статус позиции, занимаемой руководителем измерялся по количеству телефонных аппаратов на столе и наличием прямого аппарата, соединяющего его с вышестоящими инстанциями. С недавних пор появилась мода на особые комнаты отдыха, двери в которые располагаются в задней стене кабинетов. Автору приходилось бывать в таких комнатах, где обладатели статусных позиций в иерархии власти обычно отдыхают после рабочего дня или принимают гостей¹. В советское время в таких комнатах имелся

¹ Номенклатурные практики переходят вслед за непосредственными фигурами начальников на новые места работы. Один из бывших крупных руководителей в Липецкой области создал себе подобную комнату даже в одном из общеобразовательных учреждений. Необходимость чем-либо выделяться от других надолго сохраняется в сознании представителей правящего класса, отражаясь на бытовой требовательности.

диван, холодильник, телевизор. Нередко при проектировке зданий в подобных комнатах предусматривался и туалет и душевой кабиной или ванной комнатой. Политики и управленцы на местах создавали себе полноценный дом. Пространство власти превращалось едва ли не в личное пространство, в котором разворачивается жизнь и происходят, как воображает французский эстетик Г. Башляр, «бесконечные игры диалектических взаимосвязей фактов и значений, реальности и мечтаний, воспоминаний и легенд, планов и химер» [Башляр 2009: 91].

Материальная культура иерархизируется в той же мере, в какой друг за другом следуют многочисленные должности и статусы. Советское общество притязало на одни и те же блага. С. Бойм отмечала, что «комоды, кровати, серванты и диваны становятся олицетворением всех желаний» [Бойм 2022: 178].

То же самое можно сказать и в отношении других товаров, характеризующих общественные потребности. М. Восленский пишет о продуктовых пайках, редких подписных книжных изданиях, санаторном лечении [Восленский 2005]. Доступ к таким благам в равной мере был невозможен. Представители высших этажей политической иерархии обладали куда большими возможностями по сравнению с обыкновенными советскими гражданами. Каждая новая взятая ступенька лестницы власти означала доступ к новым благам и умелое освоение «средств для личного обогащения» [Панищев 2007: 59].

Сложно себе представить, что престижными советскими автомобилями могли обладать обыкновенные граждане. Автомобиль символизирует социальный статус своего обладателя, равно, как и затаённое недовольство многочисленной обслуги.

Вспомним, как у А. Галича:

– Я возил его, падлу, на «Чаечке».

[Александр Галич. «Больничная цыганочка» (1963)]

В «Листопаде» О. Иоселиани (1966) директор винзавода – грузин ездит на «Волге». Другого варианта и сложно себе представить. В «Июльском дожде» М. Хуциева (1966) легковое движение в Москве так же в основном представлено «Волгами» – статусные начальники и руководители не пользуются метро. Неслучайно, что в советской культуре наличие подобного автомобиля определённо маркировало статус владельца. Допустимая сатира в кинематографии всё-таки вывела на экран образ Юрия Деточкина в х/ф «Берегись автомобиля» Э. Рязанова (1966), по-своему наказывавшего бюрократов и взяточников.

Символический капитал отдельно взятой позиции руководителя и начальника, начиная с советского времени, отмечается наличием в кабинете портретов советских вождей. Политическая идентичность конструируется при посредстве «захватывающих символов» [Андерсен 2016: 51].

С 1990-х гг. некоторые главы администраций считают нормой наличие у себя в кабинете портрета Б. Ельцина – и уже позже – В. Путина и Д. Медведева. В том момент времени было ещё далеко до демонстрации тотальной лояльности. Неслучайно, по результатам опроса Московской консультационной группы, проводившемся в Воронеже, Москве и Саратове в 2001 г., 38,8 % респондентов посчитали портрет Путина в кабинете чиновника «демонстрацией показной преданности». При этом только 22,5 % увидели в этом знак уважения к президенту. 19,4 % посчитали это пережитком советского прошлого, а 16,3 % посчитали это данью моде. Затруднилось ответом только 5 % респондентов [Камышев 2002: 16]. Развитие политического процесса в современной России демонстрирует, что колеблющихся чиновников практически не остаётся. Практически все губернаторы и мэры крупных российских городов сегодня поддерживаются «Единой Россией». Кандидатуры губернаторов рассматриваются администрацией Президента РФ, что не оставляет им выбора.

Некоторые бывшие «красные директора» и легитимировавшиеся в 1990-х гг. партийные секретари по-прежнему стремились подчеркнуть «советскую» идентичность, занимая место под портретом В. Ленина. Для подобных руководителей стало нормой вывешивать красные флаги в своих организациях в праздничные дни 7 ноября и 1 мая, в то время, как остальные руководители вешали российский триколор.

5. Заключение. Горизонтальные иллюзии: особые среди равных

Внутри политической сферы некоторые иерархии могут выглядеть достаточно симметричными, но, на самом деле, в такой горизонтальной перспективе могут случаться свои перекосы и отклонения.

Горизонтальная перспектива (скажем, если принять во внимание формальное равенство субъектов РФ и глав субъектов РФ перед Кремлём), всё равно оказывается немного «волнистой». Среди формально равных находятся те, кто находится в доминирующей позиции по целому ряду показателей. В сообществе политических экспертов и консультантов, видимо по этой причине стали довольно популярны различные рейтинги влияния, периодически иерархизирующие политический класс современной России.

Но даже без подобной аналитики, располагающей губернаторов по группам влияния, вполне понятно, что не все главы субъектов РФ оказываются равными. Их аппаратный вес оказывается различным и зависит от их собственных достижений в российской политической реальности, равно, как и степенью близости к Кремлю. Отсюда, среди российских губернаторов могут сильно отличаться позиции Р. Кадырова, Р. Миниханова, С. Собянина и некоторых других региональных политиков, аппаратный вес которых превосходит региональный уровень. Указанным фигурам в российском политикуме многое позволено, начиная от каких-либо неоднозначных инициатив и заявлений, и заканчивая попытками создания альтернативной информационной реальности. Таким образом, в галерее российских губернаторов, де-юре равных между собой, тем не менее, присутствует некая асимметрия. Некоторые главы субъектов РФ, изначально оценивая свой особенный статус, периодически напоминают об этом обстоятельстве в информационном пространстве современной России.

На примере российских регионов и муниципалитетов мы увидим, как неравномерно выстроена иерархия заместителей губернаторов или глав муниципальных образований. Некоторые заместители определённо доминируют над другими. После смены губернаторов корпус заместителей также может быть значительно разнесён в праве доступа к центру принятия решений.

Причина такого доминирования, на наш взгляд, заключается в отличиях одной сферы от другой, которая курируется тем или иным чиновником. Причём, это происходит вне зависимости от региона и «самостоятельно установленной им системы своих органов власти [Столяров 2001: 271]. Вопрос престижа и системообразующего значения приобретает решающую роль, что определённо проецируется и на заместителей губернаторов и глав муниципальных образований. В современной России сфера экономики значит больше, чем сфера культуры, и в этой связи вице-губернатор, курирующий экономику, будет обладать большими объёмами полномочий, нежели тот, в ведении которого находится культура. Зачастую, именно кураторы экономического блока замещают глав регионов и муниципалитетов в периоды отпусков. Сложности отношений между иерархиями власти в современной России добавляют структуры федеральных округов и институтов полномочных представителей, силовых ведомств, не подчиняющихся региональной и местной власти. Тем не менее, они находятся в постоянном контакте с действующей властью в субъектах РФ и муниципалитетах.

Как мы видим, иерархии власти сохраняют себя везде, где присутствует власть, где существуют политические отношения. По мере усложнения социальной структуры, по мере появления новых форм коммуникации иерархии могут несколько видоизменяться. Рост количества но-

вых институтов требует дополнительного бюрократического контроля. Это делает структуры власти более многочисленными и противопоставленными друг другу, а и их дизайн более усложнённым. В свою очередь, могут появляться новые иерархии власти, вызывающие «перезагрузку» уже существующих политических отношений.

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. – М.: Кучково поле. – 416 с.

Башляр Г. 2009. *Поэтика грёзы*. – М.: Росспэн. – 440 с.

Бодрийяр Ж. 2009. *Символический обмен и смерть*. – М.: Добросвет. – 387 с.

Бойм С. 2022. *Обице места: мифология повседневной жизни*. – М.: Новое литературное обозрение. – 320 с.

Блок М. 1998. *Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии*. – М.: Школа «Языки русской культуры». – 712 с.

Будагов Р.А. 2002. *Развитие французской политической терминологии в XVIII веке*. – М.: Добросвет-2000. – 176 с.

Восленский М. 2005. *Номенклатура*. – М.: Захаров. – 640 с.

Гессе Г. 1991. *Избранное*. – М.: Радуга. – 539 с.

Камышев Д. 2002. Двое в комнате – я и Путин. Крайние формы любви к президенту. – *Коммерсант-Власть*. – № 1 (454). – С. 14–20.

Канетти Э. 1990. *Человек нашего столетия*. – М.: Прогресс. – 474 с.

Коммерсант-Власть. – 2011. – № 49 (953). – 12 декабря.

Крыштановская О. 2005. *Анатомия российской элиты*. – М.: Захаров. – 384 с.

Лотман Ю. 2017. *Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века)*. – СПб.: Азбука. – 608 с.

Михельс Р. 1990. Необходимость организации. – *Диалог*. – № 3. – С. 58–59.

Панищев А.Л. 2007. *Русский Ренессанс: человек между Богом и бесом*. – М.: Издательство Академии Естествознания. – 232 с.

Сегела Ж. 1999. *Национальные особенности охоты за голосами*. – М.: Вагриус. – 263 с.

Скиперских А.В. 2022. *«Замкнутые вселенные» сопротивления: разыскания в пространстве русской культуры*. – М.: ИНФРА-М. – 237 с.

Столяров М.В. 2001. *Федерализм и державность: российский вариант*. – М.: Славянский диалог. – 320 с.